

Глава 1

Чаще всего Птицелов промышлял в подмосковных лесах по Клязьме, Пахре или Маре, где ранней весной находили приют многие перелётные певчие птицы. Он довольствовался тем, что находил в средней полосе России, поскольку передвигаться по её просторам, особенно в южном направлении, стало накладно да и небезопасно. От прошлых его удачных охот в долинах Кавказа и горах Средней Азии остались лишь воспоминания, фотографии да лично собранная огромная фонотека. Но и тут, в окрестностях столицы, ему уже несколько раз везло: стихия перелёта увлекала и заносила в холодные края птиц редких и невиданных. Если не удавалось отловить, то уж, во всяком случае, получалось записать на плёнку голос иноземки. И этим он был удовлетворён и счастлив! Всю жизнь Птицелову приходилось скрывать своё увлечение или уж по крайней мере особо его не выпячивать, ибо окружающие его люди считали это занятие несерьёзным, несообразным ни с его должностью, ни с положением. Однако в кабинете, точнее, в комнате отдыха всегда висели две-три клетки, причём птицы изредка менялись. И среди сослуживцев он получил соответствующее прозвище.

Первые свои выходы на промысел он начинал в середине марта по московским паркам и, как всякий стареющий человек, делал скрупулёзные записи. Он никогда не спешил расставлять клетки-ловушки и специальные, связанные из распущенных колготок сети, ибо отлавливал только редких птиц исключительно для собственного удовольствия. Кроме парков, он изредка заезжал на кладбища, причём старые, заросшие кустарниками и лесом, где как раз достойные его внимания певчие птицы появлялись чаще всего. Поминальные жертвы — раскрошенные на могилах варёные яйца, печенье и булки — были хорошим кормом, особенно ранней весной, когда в лесах за го-

родом лежал снег. Кладбищенские сторожа знали Птицелова и за большую плату позволяли ему отлавливать птиц. И только на одно — Ваганьковское — старик приходил лишь записывать голоса на магнитофон и никогда не решался ловить. Это кладбище было для него запретным, но именно сюда его порой тянуло, как тянет на Север весеннюю перелётную птицу. Чтобы услышать пение всей пернатой братии, следовало приходиться рано, ещё до восхода солнца, и потому Птицелов пробирался на своей «Волге» первого выпуска куда-нибудь к забору вдали от ворот, оставлял машину и по-воровски забирался на кладбище. Тончайший музыкальный слух его как бы скользил в заполненном птичьими голосами пространстве, а дальнзоркий глаз выискивал среди могил пятидесятых годов единственную, двухлетней давности, втиснутую меж литых оград. Под обычным малоприметным камнем лежал прах неизвестного ему человека, скорее всего какого-нибудь безродного старика или бомжа, но имя на обелиске, дата рождения и смерти принадлежали Птицелову. Было странно смотреть на свою собственную могилу, и если чуть подальше постоять, то возникало полное ощущение какой-то невесомости, будто он и в самом деле умер 19 июля 1989 года, а то, что сейчас существует на земле, — лишь его душа, витающая над захоронением подобно птичьему голосу. Это же смешанное чувство ирреальности он испытывал, когда ему вручили документы прикрытия на чужое имя, и приземляющим, связывающим его с жизнью началом осталось лишь увлечение, определившее прозвище. Указанная же на надгробии дата смерти была замечательна тем, что в этот день у него случился инфаркт, после которого решено было отправить Птицелова на пенсию и обезопасить спокойный отдых некрологом и лукавыми похоронами. Во время своего «воскресения» он не совсем понимал эти крайние предосторожности, с неудовольствием вселился в новую квартиру за Кольцевой дорогой, но годом позже стал даже радоваться и подумывал, что на всякий случай неплохо бы вообще уехать из Москвы.

А птицы, как назло, раньше всего появлялись на Ваганьковском и пели тут как-то особенно азартно, только мало кто их слышал из-за раннего часа и мало кто слушал, обеспокоен-

ный иными пристрастиями. Этой весной, в первый раз забравшись на кладбище, Птицелов крадучись побродил неподалёку от «своей» могилы; всю уже распевали пищухи, мухоловки — скорбный мир кладбища наполнялся бездумным, лёгким весельем. Если присесть на скамеечку и закрыть глаза, время оставалось и душа трепетала, как горлышко поющей сойки. И тут ему показалось, что всё это воробьиное семейство на минуту смолкло и внезапно прозвенел чистый, высокий голос невидимой и неведомой птицы:

— Ва! Ва! Ва-а!

Птицелов вскинулся и замер. Скорее это напоминало слуховую галлюцинацию, своеобразный крик его души, отягощённой печальным зрелищем собственной могилы. Он никогда в природе не слышал подобного голоса, разве что на магнитофонных записях. Пока старик лихорадочно вспоминал, кому принадлежит этот крик, тот повторился, но уже в другой тональности:

— Ву-а! Ой! Ой-ей! Ей!

А потом птица вовсе заплакала, затянула, как старуха причётчица над покойником:

— Ох! Ой-ёе-ёей-ой-ёе-ёей!..

Словившись, Птицелов торопливо развернул экран фокусирующего микрофона, ткнул кнопку записи. В ушах застучала кровь. Ему было вредно волноваться, тем более в таком пустынном месте, где некому оказать помощь. В тот миг он забыл об инфаркте и словно молитву шептал: «Ещё! ещё! ещё!..» Он торжествовал! Судя по голосу, это могли быть либо райская птица, либо самец лирохвоста. Плач уже постепенно перешёл в весёлый призыв:

— Сю-да! Сю-да!

Повинуясь ему, старик осторожно пошёл к голому, развесистому клёну, в кроне которого сидела птица. Крался и восхищённо гадал: каким образом эта диковинная тропическая гостья могла оказаться на московском кладбище? То, что прибилась к перелётной стае и достигла холодных широт, — исключено. Изнеженные теплом, птицы юга неспособны ни к долгим перелётам, ни к жизни в северных странах. Скорее всего, это чудо выпорхнуло из домашней клетки...

Ещё несколько потрясающих минут Птицелов слушал удивительно чистый голос, стараясь разглядеть птицу среди чёрных сучьев, но пение смолкло, и лёгкая стремительная тень скользнула над крестами и надгробьями. Он перевёл дух, опытным глазом оценил обстановку и решил немедленно, завтра же утром, отловить беглянку. В том, что она завтра прилетит на это дерево и запоёт, он был уверен: благородные птицы, как и люди, всегда консервативны и предсказуемы...

Дома он поставил плёнку на стационарный стереомагнитофон и включил воспроизведение. В то же мгновение всё птичье население квартиры замерло: птицы тоже любили слушать и ценить настоящее искусство. Не пригрезилось!

Старик приготовил тончайшие паутинные сети, бинокль, фотоаппарат с телеобъективом и несколько катушек тонкой резинки, которыми растягивал ловушки. Всё уложил в дюралевый кофр и вместе с небольшой клеткой с вечера отнёс в машину. Выехал на Ваганьковское ещё до рассвета, и, пока добирался, а потом с великой осторожностью расставлял, подвешивал к деревьям и кустам сети, заря разгорелась в полнеба. Теперь он опасался одного — чтобы не прилетела другая птица и не впуталась в сети, став пугалом. Однако было тихо и спокойно, даже вороны примолкли в глубине кладбищенского парка, и восходящее за чёрными деревьями солнце не вызвало ветра.

Он не услышал почему-то ни шороха крыльев, ни стука в ветвях от касания лапок, однако неведомая птица уже оказалась на клёне.

— Ва! Ва! Вау! — разнеслось почти над головой и могильными камнями.

Старик, сидя на кофре, поднял бинокль к глазам, но восходящее солнце плавило воздух и сплетение ветвей — не разглядеть. Тогда он тихо опустился на колени и принялся медленно тянуть резинку, поднимая сеть, чтобы отрезать, перекрыть птице путь в просвете деревьев. Он опасался, как бы паутинка не зацепилась за сучок или резинка не соскочила с блока, закреплённого на дереве. Даже вспугнутые птицы никогда не уходят свечой в небо — напротив, чаще всего слетают к земле, где

больше свободного пространства. Прислушиваясь к чудесному пению этой райской птицы, старик почти уже поднял сеть, но в этот миг голос оборвался, потому что в сети, растянутой над крестами, вдруг забился случайный скворец. И принесло же его в такое мгновение! Птицелов быстрее заработал руками, надеясь успеть заслонить последний просвет паутиной, пока птица не слетела с клёна, однако что-то застопорилось в блоке, и к тому же заверещал скворец, давая сигнал смертельной опасности. Видимо, под этот шум райская птица неслышно вспорхнула с дерева и исчезла.

Старик всё-таки ещё надеялся и минут пятнадцать слушал, стоя на коленях, пока не ощутил ледяной холод земли. Бедолага скворец давно висел в сети, как летучая мышь, — вниз головой, не трепыхался и не верещал. Птицелов вспомнил, что забрался на запретное кладбище без разрешения охраны и могут быть неприятности, поэтому второпях снял сети и, пристроившись на скамейке, стал выпутывать скворца. Тот уже упаковался в паутину, как в кокон, и, чтобы освободить его, пришлось провозиться около получаса. Скворец, правда, скоро обвыкся с опытными руками Птицелова и спокойно дожидался своей участи.

— Ещё раз попадётся — запру в клетку! — пригрозил старик на прощание и отпустил дуралея.

Скворец вспорхнул на вербу, охлопался, встряхнулся и нырнул в кусты чуть зеленеющей сирени. Птицелов тоже взбодрился: не удалось сегодня — получится завтра! Не последнее утро в этом мире... Только приехать следует ещё раньше и обтянуть клён со всех сторон, чтобы взять птицу на подлёте. Способ не совсем честный и, конечно, неблагодарный (опять влетит какой-нибудь горемыка!), но зато надёжный, когда не знаешь ни характера, ни повадок птицы.

Чтобы не плутать среди тесноты могил, старик вышел на проезжую аллею и пошёл к месту, где за забором стояла его машина. В это время откуда-то слева, из-за надгробий, выкатился грузовой «москвич» и поехал прямо на него. Это была наверняка кладбищенская охрана, прятаться и бежать поздно да и не солидно.

«Москвич» остановился возле старика.

— Ну что, Птицелов, поймал жар-птицу?

Охранник говорил насмешливо и цинично, готовый к расправе. Скорее всего, это был отставной морской офицер: чёрный китель без погон, форменные брюки, пистолет в подвешенной кобуре у колена; он сразу же напомнил старику пожившего матёрого грифа, поскольку совершенно лысая голова держалась на длинной шее, обрамлённой стоячим воротником, и нос на бровастом лице был крючковатый, хищный.

— Увы, — виновато проронил Птицелов и показал пустую клетку.

— А знаешь, что ловить птиц на кладбище запрещено? — надменно спросил Гриф.

— Знаю, — поторопился старик. — Я вам заплачу!

— Разумеется, заплатишь! — усмехнулся Гриф и открыл дверцу грузовой будки. — Садись, Птицелов!

Старик поспешно забрался в тёмную, без окон, будку, и машина тронулась. Если бы подобное случилось не на запретном для него кладбище, Птицелов совершенно бы не расстроился. Многие торговцы птичьего рынка промышляли в кладбищенских парках, несмотря на запрет. Сговорчивые охранники преследовали гробокопателей, а к птицеловам относились снисходительно. Плати и лови на здоровье до открытия кладбища. Здесь же старик трясся в будке и ощущал предательский стук крови в ушах: подскочило давление. Машина несколько раз повернула, потом долго пробиралась, видимо, по узкой пешеходной дорожке и наконец остановилась. Птицелов решил, что его привезли в караульное помещение, однако, когда открылась дверца, он сразу узнал место.

Прямо перед ним была его «собственная» могила... Гриф сел на скамеечку, поджидая, когда старик выберется наружу.

— Скажи-ка мне, Птицелов, каким образом ты воскрес? — спросил он, глядя на могильный камень. — Садись рядом, почирикаем!

Этот человек прекрасно знал, с кем разговаривал, и явился на кладбище, чтобы выследить старика, задержать и привезти сюда. Но что ему нужно?!

— Кто вы такой? Что это означает? — спросил старик, не выдавая себя.

— Это означает нашу конспиративную встречу, — охотно пояснил Гриф и повертел шеей. — Министерство безопасности, полковник Арчеладзе.

Он вытащил из нагрудного кармана удостоверение, задумчиво постучал им о крепкий ноготь указательного пальца. Возможно, он был из московских обрусевших грузин, однако выговор при этом имел странный — малороссийский или южнорусский.

— Чем обязан? — осторожно поинтересовался Птицелов, не испытывая никакого доверия к собеседнику. — Я ловил птицу...

— Обязан, Птицелов, обязан, — озабоченно проговорил Гриф. — Со мной можно говорить открыто и обо всём.

— Я вас не знаю! — отрезал старик. — А такие красные корочки... В палатках у метро можно купить!

— Зато я знаю тебя! — жёстко проклекотал Гриф. — Ты работал начальником контрольно-ревизионной службы и курировал третий спецотдел Министерства финансов СССР. Насколько мне известно, с семьдесят пятого по восемьдесят девятый. После инфаркта отправляют на пенсию и переводят на нелегальное положение. Странно, да? Твой предшественник благополучно прожил старость со своим именем и не скрывался под... могильной плитой. За что такая честь тебе — могила при жизни, Птицелов?

— Это мне неизвестно, — напряжённо вымолвил старик. — Руководству было виднее...

— А мне известно, — с мягким сарказмом сказал Гриф. — Ты очень хорошо умел считать золото в граммах, алмазы и бриллианты — в каратах. И ты единственный кое-что знал такое... Я имею в виду «Кристалл», объект «Гранитный»... Ну и прочие объекты спецотдела. Да?

— Знал, — вдруг признался Птицелов. — Да нет теперь ни спецотдела, ни службы. Да и государства нет...

— И золота нет!

Старик пожал плечами:

— Естественно... Нет государства — нет и казны...

— Где же она?

— У вас следует спросить — где, — отпарировал старик. — Вы охраняете государственную безопасность и золотой запас.

— Но ты контролировал перемещение ценностей, — клюнул Гриф. — И всю информацию держал в руках! Следил за каждым граммом, так?

— Так, — согласился Птицелов.

— И куда же исчезла без малого тысяча тонн? — будто между делом поинтересовался Гриф. — Если в казне едва насчитали двести сорок.

— Спросите у министра финансов. У бывшего и нынешнего.

— Но они же безбожно врут! — возмутился Гриф. — Мне нужна информация из первых рук, от непредвзятого человека. И честного! И поэтому я не спрашиваю документального подтверждения. На слово верю.

Птицелов помолчал, будто бы вспоминая, вздохнул, словно всхлипнул:

— Разбазарили казну... Хлеб в Америке и Канаде на что покупали?

Гриф улыбнулся и похлопал рукой по сухому стариковскому колену.

— Непрофессионально, Птицелов. Это сказки для народонаселения. Я спрашиваю подлинную информацию, а не пропаганду. Пока работали прииски, мы могли ещё двести лет покупать хлеб и булки с изюмом. Так?.. Куда же испарился запас?

Старик сторбился и покачал в руке птичью клетку.

— Если бы я не ловил птиц, вы не нашли бы меня...

— Да уж, голубчик, — подтвердил Гриф. — Тебя хобби сгубило. Начал бы собирать марки или монеты... И всё-таки, Птицелов, придётся сказать: когда и кто в течение последних семи лет получал крупные суммы в золоте. Под каким предлогом, на какие цели и по чьему распоряжению. Ты визировал все документы расхода золота и алмазов, тебя министры финансов боялись... Ну?

— Эх, обольстился, — вдруг заговорил Птицелов. — Сколько раз зарекался не ходить на Ваганьковское... Да птица-то запела чудесная, райская... Никогда не слышал.

— Ты не про райскую птицу думай, — посоветовал Гриф. — Я спросил тебя: куда улетела жар-птица? Не валяй дурака, Птицелов. Ты же хочешь спокойно дожить старость и умереть своей смертью.

— Хочу, — вяло признался старик.

— Вот, хочешь. И синюю птицу хочешь поймать, так?

— Так... — проронил Птицелов и замолчал.

Гриф понял, что паузе этой конца не будет, зашёл с другой стороны:

— Хорошо. А можешь ты объяснить: с какой целью на объект «Гранитный» однажды ввозили ртуть?

— Ртуть? — переспросил старик и насторожился. — Её ввозили не однажды... В складских помещениях собирали золотую пыль, обрабатывали упаковку...

— И на это потребовалось семьдесят шесть тонн ртути? — клюнул Гриф. — Мне известно: часть золота амальгамировали. Но кто распорядился? Зачем? И куда потом вывезли амальгаму?

Птицелов молча приблизился к «своей» могиле, поставил клетку на каменную плиту. Гриф недовольно завертел шеей:

— Ты же понимаешь: тебя уже нет на свете. Нет! Ты мертвец!

— Понимаю, — покивал старик и достал из внутреннего кармана упаковку нитроглицерина. — Я всё понимаю...

Он в задумчивости присел на могилу, но вдруг оживился, воскликнул:

— Боже мой!.. Я же держал в руках!

— Ну-ну! — тоже воспрял Гриф. — Продолжай! Что ты держал в руках?

— Птицу!.. Как же я не догадался? Это был скворец!

— Какой скворец? — проклекотал Гриф. — Только не нужно играть сумасшедшего! Я знаю, ты в здравом уме и память у тебя исключительная.

— Что же это я? — растерянно и как-то счастливо забормотал Птицелов. — Не узнал... А это скворец! Наверное, зимовал где-нибудь рядом с райской птицей. И выучился петь... Другой птицы там не было! Известный пересмешник и плагиатор! Но как пел, стервец!

Он выдал из фольги, покатав красный шарик на ладони, словно каплю крови, и широким движением забросил себе в рот. Гриф что-то почувствовал, сорвался со скамейки, но было поздно...

Старик мгновенно подломился и рухнул на спину, раскинув руки. Grimаса нестерпимой боли исказила лицо, но кожа в тот же миг расправилась и глаза закрылись сами собой. Гриф бросился к Птицелову, похлопал по щеке, встряхнул за плечи, затем приоткрыл веко.

Бывший начальник контрольно-ревизионной службы был мёртв. Яд действовал мгновенно...

Гриф неожиданно пнул безвольное тело, выматерился про себя и кому-то резко махнул рукой. Из-за надгробных камней показались двое в спортивных костюмах, легко подбежали к мёртвому Птицелову. Один тут же присел возле трупа, оттянул веки и медленно выпрямился. Оба выжидательно смотрели на полковника Арчеладзе. Тот же, склонясь над мёртвым, ощупал его карманы, достал из бокового связку ключей, затем выдернул из расслабленной и ещё тёплой руки упаковку с нитроглицерином.

— Труп закопаете в эту могилу, — указал он на плиту, где стояла клетка. — Личные вещи и одежду — ко мне в кабинет. Охрану кладбища не снимать, пока не закончите... В руках держал! Выпорхнул... скворец!

Он сел в «москвич», замер на секунду, потом ударил кулаком по рулю и отщёлкнул трубку радиотелефона...

Поиск Птицелова и операция по его разработке готовились и проводились несколько месяцев, но операция провалена по вине самого руководителя. Полковник Арчеладзе не боялся, что его отстранят от работы и выведут за штат либо вовсе отправят на пенсию; он пережил не одну перетасовку ещё в бывшем КГБ, затем в Министерстве безопасности и остался на плаву, поскольку его специальный отдел, созданный по высшей воле сразу после августовских событий девяносто первого, занимался поиском утраченной золотой казны СССР и считался неприкасаемым. Более года ушло лишь на создание глубоко законспирированной агентурной сети с внутренними и зару-

бежными отделениями, разработку двух самостоятельных программ, которые напоминали авиацию ближнего и дальнего действия. Первая предназначалась для мгновенного реагирования на всякую горячую, внезапно появившуюся информацию; вторая была рассчитана на более кропотливый анализ и агентурный сбор данных. Именно с этой целью во все правые и многие центристские патриотические партии и движения были внедрены опытные агенты, кроме того, на базе шумной коммунистически настроенной группы интеллигентов-учёных было образовано патриотическое движение с яркой националистической окраской. Арчеладзе мало интересовалась политика, однако он имел твёрдое убеждение, которое разделялось и в высших эшелонах власти: изъятое из государственной казны издыхающей компартией золото должно было непременно объявиться в виде финансирования правых патриотических партий и движений. Для этой цели не следовало заниматься политикой как таковой, а лишь совершать незаметную работу, сходную с трудом маляра: всех, начиная с монархистов и кончая фашиствующими группировками, подкрашивать красной краской, делая таким образом приманку для тех, кто владел теперь «золотом партии». Судя по оперативной информации, финансирование правых осуществлялось пока за счёт патриотически настроенных промышленников и коммерческих структур. Это были едва заметные, почти пересыхающие ручейки. Оппозиция держалась на голодном пайке, но и его следовало постоянно урезать, ибо жаждущий всегда быстрее находит путь к воде, чем имеющий при себе полный бурдюк. Таким образом, Арчеладзе заставлял работать лидеров правых партий на себя. Пусть они ищут, пусть больше делают слепых движений, а его зрячие люди за ними присмотрят. Он был уверен, что пропавшая часть золотого запаса не может долго оставаться без движения. Иначе зачем его изымали и тщательно прятали? Рано или поздно при определённых обстоятельствах начнётся подпитка «красных», и тогда будет нетрудно отыскать исток этой золотой реки...

Стратегическая «авиация» медленно делала своё дело, но ощущение успеха или поражения больше приносила тактическая. (Арчеладзе начинал свою службу в особом отделе авиа-

ционного полка и потому с давних пор привык мыслить этими категориями.) Птицелов целиком укладывался в повседневную программу, и полученная от него информация могла значительно ускорить поиск, а то и вовсе привести к открытию. Да, видимо, не зря имитировали его смерть, похороны и не случайно упрятали под чужой фамилией и снабдили мгновенно действующим ядом. С самоубийством Птицелова провалился труд архивной группы отдела, которая не один месяц отработывала всю документацию Министерства финансов бывшего СССР, касающуюся алмазов и золотого запаса. Часть документов, разумеется, исчезла, но остались косвенные указания на эту часть в других, уцелевших. Теперь некому было задавать вопросы... Упоминание о ртути, полученной третьим спецотделом, натолкнуло экспертов на мысль, что золото вывозилось с объекта в виде амальгамы либо сливалось в специальное подземное хранилище на территории самого объекта. Можно было надёжно упрятать драгметалл и в слитках, но как его достать потом с охраняемой территории? Амальгаму же из специального резервуара можно откачать по подземному трубопроводу обыкновенным ручным насосом-лягушкой. Предчувствуя удачу, Арчеладзе добился разрешения на обследование объектов третьего спецотдела, а при необходимости и раскопок на территории, однако самые современные способы геофизических методов исследования недр не дали никаких результатов. Специалисты по подземным коммуникациям изучили всю прилегающую к объектам местность, жилые строения и никаких «лишних» трубопроводов не нашли, если не считать заброшенных старых канализационных трасс.

А ртуть, отпущенная Министерству финансов, никак не выходила из головы Арчеладзе, поэтому он затребовал всю документацию по операциям с ней за последние десять лет и обеспечил работой архивную группу ещё на несколько месяцев. Уже после смерти Птицелова, в середине лета, начальнику отдела доложили странную,стораживающую информацию, которая ещё больше запутала дело. Семьдесят шесть тонн ртути — это огромное количество. Такую массу жидкого металла невозможно утаить, спрятать даже при самом несовершенном

учёте и контроле. Так вот, получалось, что добыча этой ртути производилась левым способом и не отображалась в отчётности. Тот, кто задумывал операцию по изъятию части золотого запаса и его хранению, учёл абсолютно всё. Лишь маленькая оплошность — железнодорожная товарная накладная — выдавала подлинность факта получения третьим спецотделом груза повышенной опасности. Получатель и сам груз, как требовала инструкция, были зашифрованы, и железная дорога официально как бы не догадывалась, что везёт и кому. Но старые её служащие, искушённые во всевозможных шифрах люди, прекрасно знали, что везут и по какому адресу. Арчеладзе удалось установить даже номера вагонов, в которых прибыла эта партия ртути на товарную станцию, но откуда была отправлена — оставалось загадкой, поскольку документация исчезла не только из папок Министерства финансов. Он понимал, что изъятием части золотого запаса занимался КГБ, — другой организации, способной провести такую операцию, не существовало. Причём делалось это по заранее согласованному плану, разработанному во всех деталях и имеющему двойное, тройное прикрытие. Это означало, что до сих пор живы и здравствуют люди, которых привлекали и к разработке, и к реализации плана. Иное дело, не всех посвящали в главный замысел операции, и они, как те слепые, знали о слоне лишь то, что сумели пощупать. Искать какие-либо материалы в архивах и делопроизводстве КГБ было бессмысленно: те, кто обеспечивал секретность и прикрытие операции, работали безукоризненно. Оставалось единственное — живые люди, и Арчеладзе бросил своих «штурманов» — аналитическую группу — на поиск исполнителей. Аналитики избрали метод исключения и почти сразу отстегнули контрразведку: из этой среды вышло слишком много предателей — невозвращенцев из зарубежных командировок и изменников, жаждущих поведать миру о тайных делах КГБ и тем самым оттягать себе славу борцов с режимом и деньги в виде гонораров за книги-откровения. Однако никто из них не проболтался о самой горячей операции, которая бы стала настоящей сенсацией и долго бы смущала и восхищала Европу: золотой запас СССР всегда был тайной для неё, как невеста под чадрой. След-

ственный аппарат отпал сам собой по причине его занудства и неспособности к блестящим оперативным действиям. Самым боеспособным, въедливым и решительным оставался аппарат политического сыска. Он был самым приближённым к партийному руководству страны и как бы составлял амальгаму, сплавляясь с ним на молекулярном уровне. Вчерашний оперативник этого аппарата мог стать секретарём обкома, а секретарь обкома — оперативником.

Установив таким образом круг своего интереса, «штурманы» Арчеладзе стали сужать его до конкретных личностей. После многочисленной сортировки и чистки политический сыск отчасти растворился в новых службах Министерства безопасности, имея свойства «амальгамироваться», отчасти оказался за штатом. Последние заслуживали особого внимания, и Арчеладзе запросил у аналитиков пофамильный список. Заштатный генерал Тарасов, работавший в совместной фирме «Валькирия», сразу же насторожил и захватил воображение начальника отдела. А то, что фирма занималась поиском неких сокровищ на Урале и была, по сути, правопреемницей института, входящего в систему Министерства финансов, лишний раз доказывало причастность генерала к операции с золотым запасом. Однако, помня горький опыт с Птицеловом, Арчеладзе не стал ни задерживать Тарасова, ни искать с ним конспиративной встречи. В окружении генерала не оказалось ни одного агента, ни доверенного лица, с кем можно было установить связи и начать оперативную разработку. Пришлось в срочном порядке изучать обстановку и, рискуя провалиться, вербовать двух агентов из команды Тарасова: никого из чужих ему людей генерал бы к себе и близко не подпустил. Новобранцы Арчеладзе были афганцами, примитивными «дикими гусями», ищущими боевых и бандитских приключений, и могли служить лишь «слухачами». А для оперативной разработки требовался опытный, инициативный агент, способный вывернуть генерала наизнанку. Такой человек у Арчеладзе был, но внедрить его без специальной подготовки в генеральское окружение, где находилось с десяток бывших оперативников контрразведки и нелегалов-зарубежников, означало погубить и дело, и агента. Пока